
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА

Л.Н. Романова

DOI: 10.25693/SVGV.2021.37.4.011

УДК 821.512.15

Дневники А.Е. Кулаковского и А.И. Софронова: опыт сравнительного анализа

Научная новизна. В статье представлено сравнение личных дневников А.Е. Кулаковского и А.И. Софронова-Алампа с точки зрения их повествовательной и коммуникативной структуры. Выявляются общие структурные и семантические элементы. Впервые дневники рассматриваются с точки зрения их соотношения творчеством первых якутских писателей. Доказывается, что особенности повествовательной стилистики дневников органично вписываются в поэтическую систему их творчества.

Цель статьи – сравнение авторских интенций, определяющих повествовательную и коммуникативную функции текста дневников первых якутских писателей, их композиционных и стилистических признаков; а также выявление специфики творческого метода ведения личных записей.

Методы исследования. Исследование проводилось на материале дневников А.Е. Кулаковского, хранящегося в Национальном архиве РС (Я); и дневников и тетрадей А.И. Софронова, имеющихся в Рукописном фонде Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН. Используются сравнительно-типологические методы в анализе композиции, языка и хронотопа дневников. По мере необходимости автор обращался к методологии междисциплинарного подхода к текстам культуры.

Результаты. Сравнительный анализ повествовательной и коммуникативной стратегий дневников первых якутских писателей показал их тесную связь с литературным творчеством. Анализ композиции, языка, а также коммуникативных функций автодокументальных текстов свидетельствует о том, что дневники нужно рассматривать как единый текст культуры наравне с творчеством писателей.

Ключевые слова. Кулаковский, Софронов, дневник, повествовательность, коммуникативные стратегии, лирическое начало, авторефлексия

1. Введение. В последнее время активизировалось внимание специалистов различных гуманитарных направлений к так называемым сублитературным текстам, которые ранее считались маргинальными, второстепенными и дополнительными, как в филологии, в частности в литературоведении, так и в историографии, философии, психологии, культурологии, социологии и т.д. – это источники личного происхождения: дневники, частная переписка, мемуары, автобиографии. Особый интерес представляют личные дневники в силу широты своей культур-

© Романова Л.Н., 2021

но-исторической интерпретации через призму персональной субъективной оценки.

В современной зарубежной и российской науке исследовательские стратегии в области диаристики легитимизировались не только в изучении дневников известных личностей, но и личных записей обычных людей (так называемые наивные дневники), воссоздающих повседневную действительность определенной исторической эпохи. В якутском литературоведении и историографии эго-документы только начали вводиться в научный оборот. В архивах республики хранится множество личных дневников, частной переписки, мемуаров известных исторических личностей и простых якутян, которые еще не попали в поле зрения исследователей. И только в начале XXI в. начали публиковаться тексты дневников и их научные и научно-популярные интерпретации в центральных и местных изданиях. Внимание издателей и исследователей в основном сконцентрировано на дневниках писателей и представителей творческой интеллигенции, государственных деятелей. Так, увидели свет в виде отдельных изданий дневник А.Е. Кулаковского Сеимчанского периода [Кулаковский, 2018], дневник Сем.П. Данилова 1951–1978 гг. [Данилов, 2018], частично опубликованы дневниковые записи А.И. Софронова-Алампа [Софронов, 2011]. Появилось несколько научных статей Н.Н. Тобурокова [Тобуроков, 2001], В.Г. Семеновой [Семенова, Тобуроков, 2018], Л.Н. Романовой [Романова, 2019], исследующих дневники А.Е. Кулаковского, А.И. Софронова-Алампа, С.П. Данилова.

С научной точки зрения интересно рассмотреть дневники первых якутских писателей в сравнительном аспекте, что позволило бы: во-первых, представить оригинальную картину исторической эпохи через призму личных переживаний и гражданской позиции авторов одного поколения; во-вторых, изучая риторико-поэтологическую организацию дневниковых записей, проникнуть в творческую лабораторию писателей, понять природу становления их индивидуального поэтического стиля; в-третьих, проследить и сопоставить не только эволюцию их мировоззрения, но и составить представление об их самооценке и самоидентификации. Кроме того, в этих документах наиболее четко вырисовываются культурные стереотипы, иде-

ологемы, образы, концепты и смыслы, в которых национально-культурные традиции, коллективные и межличностные отношения раскрываются как область меж- и внутрикультурных коммуникаций. Это тем более интересно, что указанных персоналий объединяло общее интеллектуальное пространство, и они являлись не только очевидцами и участниками эпохальных событий начала XX в., но и «вдохновителями» и «законодателями» национальных культурных традиций.

С литературоведческой точки зрения дневники А.Е. Кулаковского и А.И. Софронова-Алампа должны быть глубоко изучены как одни из важных составляющих биографии и творчества личностей, реализовавших идею создания национальной литературы. На основе изучения изданных и неизданных рукописных источников этих персоналий можно воссоздать процесс их творческой самоидентификации как *создателей литературной традиции*. Такой подход нам представляется достаточно новым и актуальным как для якутского литературоведения, так и для истории культуры народа саха.

Однако в данной статье историко-культурный фон дневников и отношение персоналий к историческим событиям не рассматриваются. Культурно-историческая интерпретация дневников может стать отдельным предметом исследования. В данном случае нас интересуют имманентные свойства дневниковых текстов, формально-содержательные параметры, повествовательные (нарративные) и коммуникативные особенности дневниковой поэтики.

Цель статьи – сравнение авторских интенций, определяющих повествовательную и коммуникативную функции текста дневников первых якутских писателей, их композиционных и стилистических признаков; а также выявление специфики творческого метода ведения личных записей, обусловленного в значительной степени их индивидуальным поэтическим стилем.

Новизна темы. В статье утверждается необходимость отношения к дневникам якутских писателей как к творческой лаборатории, что открывает возможность новых методологических подходов к изучению эго-текстов, когда дневники и художественные произведения должны восприниматься как взаимодополняемые и равноценные тексты культуры.

Теоретическая значимость исследования состоит в определении места и роли источников личного происхождения, в частности дневников, в изучении индивидуально-авторского поэтического стиля. При этом дневник рассматривается в аспекте формирования текста и контекста не столько личности и биографии писателей, а сколько специфики поэтики их творчества.

Практическая значимость работы заключается в разработке методики анализа дневника как художественно-документального произведения в контексте литературного творчества. Выводы и заключения исследования могут быть использованы в дальнейших углубленных исследованиях различных форм эго-документов, а также при преподавании гуманитарных дисциплин в средних и высших учебных заведениях.

II. Материалы и методы. Исследование выполнялось на материале Сеимчанского дневника А.Е. Кулаковского, хранящегося в личном фонде Г.П. Башарина в Национальном архиве РС (Я)¹, и выборочно дневниковых тетрадей А.И. Софронова-Алампа с 1911 по 1927 гг., собранных в рукописном фонде Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН.

По временной длительности написания и значимости в судьбе поэта выделяется дневник Кулаковского периода его пребывания в местности Таскан Сеимчанского наслега Оймьяконского округа. Здесь поэт и ученый скрывался во время Гражданской войны с октября 1923 г. по июль 1924 г. Дневник велся с 22 ноября 1923 г. по 6 марта 1924 г.

Документ представляет собой ученическую тетрадь из 18 листов под названием «Дневник. 1923». Он велся на русском языке в хронологическом порядке. Сеимчанский дневник Кулаковского как источниковедческий материал вошел в научный оборот лишь в XXI в. в качестве вспомогательного материала для биографии поэта.

Преыдушие исследователи его биографии, как историки, так и литературоведы, пытались обойти Сеимчанский период его жизни, или вкратце упоминать его в биографической хронике из-за неоднозначности и противоречивости идеологизированной оценки позиции Кулаковского во время Гражданской войны. Хотя все исследователи единодушны в оценке особой научной и творческой значимости работ, сделанных по этому и ученым в этот промежуток времени.

Впервые более подробный анализ этого документа был сделан профессором Н.Н. Тобуроковым, расценивавшим дневник как документ, раскрывающий твердый характер первопоэта и ученого, «по-настоящему увлеченного научным и художественным творчеством» [Тобуроков, 2001: 43]. Также дневник в его историко-биографическом контексте исследован в монографии Л.Р. Кулаковской «Научная биография А.Е. Кулаковского: личность поэта и его время» [Кулаковская, 2008], где автор, отмечая неизученность документов личного происхождения А.Е. Кулаковского в науке, пишет: «Значение дневника состоит в том, что личная жизнь писателя в этих суровых условиях, литература, упомянутая им в дневнике, представляют собой важнейший источник изучения его творчества. <...> Ни один документ не откроет нам тайны создания литературных произведений, научных озарений поэта, как этот дневник» [Кулаковская, 2008: 244].

В Рукописном фонде ИГИИПМНС СО РАН хранится семь записных книжек А.И. Софронова-Алампа, именованных автором «Что-нибудь махонькое» (1911–1912 гг.)², «Ол-бу быстабы суруйар кинигэ» («Книжка для записи чего-нибудь мелкого», 1921–1924 гг.)³, «Памятная книга» (1925 г.)⁴, «Дневник» (1925)⁵, «Ону-маны суруйуу» («Записи о том, о сем», 1925–1926 гг.)⁶, «Дневник и разные черновые записи» (1926 г.)⁷, «Бэлиэ» с подзаголовком «Күннээҕи кинигэ» («Память», подзаголовок «Ежедневник», 1927 г.)⁸.

¹Кулаковский А.Е. Дневник 1923. Национальный архив Республики Саха (Якутия). Ф.1480. Оп.1. Д.18.

²Рукописный фонд Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН. Ф. 4. Оп.28. Д.17.

³Рукописный фонд ИГИИПМНС СО РАН. Ф.4. Оп.28. Д.30.

⁴Рукописный фонд ИГИИПМНС СО РАН. Ф.4. Оп. 28. Д.9.

⁵Рукописный фонд ИГИИПМНС СО РАН. Ф.4. Оп. 28. Д.48.

⁶Рукописный фонд ИГИИПМНС СО РАН. Ф.4. Оп. 28. Д. 27.

⁷Рукописный фонд ИГИИПМНС СО РАН. Ф.4. Оп. 28. Д. 45.

⁸Рукописный фонд ИГИИПМНС СО РАН. Ф.4. Оп. 28. Д.22.

Большинство софроновских тетрадей по содержанию и характеру записей, датировке представляют собой именно записные книжки, а не дневники. По мнению некоторых исследователей, записные книжки не следует причислять к эго-документам, т.к. они «не характеризуют индивидуума как такового, а скорее помогают проникнуть в творческую лабораторию автора» [Бондарь, 2013: 111]. Отчасти можно согласиться с этим положением, т.к. преобладание в тетрадях Алампа черновиков и беловиков произведений, их вариантов, скорее всего, говорит о творческих исканиях писателя, но в плане откровенности изложения личных переживаний, эмоций, исповедальности и интимности некоторых фрагментов, вошедших в тетради Алампа, они вполне претендовать на «дневниковость». Наибольшей дневниковостью отличается первая записная книжка «Что-нибудь махонькое», заведенная им в период, когда он только начал активно включаться в общественную жизнь якутской интеллигенции, пробовать свое перо. Эти записи, в отличие от дневников Кулаковского, не имеют хронологическую последовательность и лишены повествовательности, характерной для биографического нарратива дневника. Поэт в книжке записывал свои стихотворные и прозаические опыты, раздумья о жизненных событиях и явлениях, но если даже речь идет о каком-то событии, то здесь не описание его как такового, а ментальное переживание этого события поэтом.

Дневниковым характером с точки зрения отражения психологического состояния Алампа отличаются и дневники московского периода (1925–1926 гг.), когда вследствие личной семейной драмы, тяжелой болезни и кончины друга и учителя А.Е. Кулаковского в Москве, произошел надлом в душе писателя.

Дневники Алампа впервые введены в научный оборот Г.П. Башариным в его монографии «А.И. Софронов: жизнь и творчество» [Башарин, 1969]. Также его дневники использованы в качестве биографического материала в монографии [Семенова, 2011] и докторской диссертации В.Г. Семеновой «Личность и творчество Анемподиста Софронова-Алампы в контексте зарождения становления якутской литературы» [Семенова, 2019].

В целом предлагаемые для исследования дневники вызывают большой научный интерес

еще и потому, что они создавались в эпоху кардинальных перемен в обществе и являлись в какой-то степени результатом социально-культурного шока, исторической травмы авторов, остро переживавших как личные драмы, так и тревогу за судьбу своей родины.

Дневники Кулаковского и Алампа таят в себе много интересного в научно-познавательном плане, и могут служить не только вспомогательным материалом для биографии писателей, но и являются самоценными текстами культуры, документами эпохи. Иными словами, если пользоваться определением Ю.М. Лотмана, это тексты, «нуждающиеся в дешифровке». Причем расшифровка дневников требует междисциплинарного подхода, предполагающего использование методологии различных социогуманитарных наук.

В статье анализ сконцентрирован на сравнении повествовательной и коммуникативной стратегий ведения дневников.

В работе над статьей теоретико-методологической базой исследования послужили как классические труды Ю.М. Лотмана [Лотман, 1992], М.М. Бахтина [Бахтин, 1996], так и работы последних лет: монографии А.В. Лашкевич об особенностях «дискурса персональности» в дневнике [Лашкевич, 2014], М.Ю. Михеева о проблемах самоидентификации в дневниковой структуре [Михеев, 2007], статьи о жанровых разновидностях личных дневников А.А. Зализняк [Зализняк, 2010], творческих интенциях авторов дневников Е.М. Криволаповой [Криволапова, 2016], лирическом начале, проявленном в дневниковом дискурсе Ю.В. Булдаковой [Булдакова, 2009], об уровнях приватности и публичности в дневниках Р.С. Черепановой [Черепанова, 2018] и т.д.

III. Результаты. В первую очередь, следует обратить внимание на то, что дневники А.Е. Кулаковского (в т.ч. ранние его дневники) и А.И. Софронова-Алампа ведутся на русском языке. Дневник Кулаковского полностью написан на русском языке. В первом дневнике Алампа ранние стихотворные и прозаические опыты, авторефлексивные записи написаны на русском языке. Со второй тетради все художественные произведения написаны на родном якутском языке, но авторефлексия в большинстве своем остается русскоязычной.

Ведение дневников на русском языке можно объяснить двумя моментами. В начале XX в.

общепринятым правилом среди образованных якутов было ведение частной переписки, мемуаристики, дневников на русском языке. Это было, с одной стороны, признаком принадлежности пишущего к интеллектуальной элите общества; с другой стороны, такой факт свидетельствует о влиянии литературной традиции, сформировавшегося в русской классической культуре «литературного сознания», которое задает определенные формы и законы создания автодокументальных текстов.

Так, предисловие Сеимчанского дневника Кулаковского перекликается с ранним дневником Л.Н. Толстого, где молодой писатель 14 июня 1850 г. пишет: «Опять принялся я за дневник и опять с новым рвением и с новой целью. Который уж это раз? Не помню. Все равно, может, опять брошу, зато приятное занятие и приятно будет перечесть, так же как приятно было перечесть старые. Мало ли бывает в голове мыслей, и которые кажутся весьма замечательными, а как рассмотришь, выйдет пустошь, иные же точно дельные – вот для этого-то и нужен дневник. По дневнику весьма удобно судить о самом себе» [Толстой, 1984: 22]. Схожие мысли изложены и в первой записи в Сеимчанском дневнике А.Е. Кулаковского, но, в отличие от молодого Толстого, якутский автор придает дневнику более глубокое значение, имея в виду важность своего жизненного опыта для будущих поколений: «Решился хоть попробовать вести дневник. Весь свой век мечтал об этом, но, не надеясь на свой безалаберный и ленивый характер, не решался на это. А теперь ужасно раскаиваюсь, но, как всегда бывает, раскаивание пришло слишком поздно. Раскаиваюсь неспроста: жизнь провел весьма содержательную для жителя Як[утской] об[ласти], полную всяких приключений и много странствовал, собирая на память (...) сведения по якутскому фольклору. <...> любопытно взглянуть чрез несколько лет на то, как я думал, о чем мечтал, чем был занят несколько лет тому назад, т.е. теперь. Ведь взгляды мнения и чувства каждого индивидуума все время изменяются, как стрелка барометра, прошлые мысли и чувства, раз они изменились, бывают смешны и комичны. <...> Итак, решаюсь на это дело – вести, хотя заранее уверен, что скоро заброшу его» [Кулаковский, 2018: 19]. Эти обширные цитации приведены для того, чтобы показать несомненное влияние классиче-

ских традиций ведения автодокументальной прозы на дневниковый дискурс якутского автора, что отражается не только в изложении мыслей, но и в стиле дневниковых записей. Кроме того, следует отметить, что для Кулаковского, как и для Толстого, важен вопрос самоидентификации и самооценки в дневнике, что определяет содержание автотекстов в целом.

Первый свой дневник под названием «Что-нибудь махонькое» А.И. Софронов начинает со стихотворных опытов на русском языке: «Посвящается И.Н.С.», «Мечта», «Разлука». Стихи в художественном отношении слабые, ученические, подражательные, но примечательно то, что в них уже намечается поэтический стиль будущего поэта-лирика. Элегический характер стихов, авторефлексивность, идущие от традиций русской элегии, как бы задают тон всему дневниковому дискурсу Алампана. С самых ранних записей складывается лирическое начало в жанровой структуре софроновских дневников, что проявляется не только в литературных опытах, но и в особом типе хронотопа, ритмически организованных синтагмах, поэтической лексике. И даже в названиях его дневников проявляется лирический характер: «Что-нибудь махонькое», «Книжка для записи чего-нибудь мелко-го», «Записи о том, о сем».

Творческие интенции рассматриваемых авторов также проявляются в целевых установках ведения дневника. Кулаковский, объясняя побудительную причину заведения нового дневника, строго последователен и четко мотивирован. Он исходит из просветительских, научных и творческих задач. Основной задачей для Кулаковского становится организация своей деятельности во время вынужденной ссылки. Дневник, по его словам, должен стать «подвинчиванием сил, спящих в тисках лениности». Поэт движется в своей целеустановке от прагматичных задач (фиксации времени и экономии пищевых запасов) к проблемам более духовного порядка, как самодисциплина в научной и литературной работе, самооценка в настоящем времени и во временном отрыве; желание быть прочитанным в будущем *Другими*, и, последнее, в дневнике найти равноправного «собеседника», чтобы «хоть на бумаге ...отводить душу» [Кулаковский, 2018: 19]. И, в целом, поэт, достаточно строго следует поставленным перед собой задачам, особенно того, что

касается самодисциплины в работе над словарем заимствованных слов и в литературной деятельности. Единственное, последней задаче – «отводить душу» – уделено мало места. Возможно, в силу обстоятельств автор остерегался излагать свои переживания и эмоции на бумаге – они могли в будущем стать поводом для новых политических обвинений. Лишь несколько эпизодов свидетельствуют о психологическом состоянии автора: это записи, касающиеся удовлетворения от проделанной работы, состояния здоровья, и о предпочтении сна реальной действительности.

Сеимчанский дневник Кулаковского по способу выражения авторского Я, хроникальной организации текста, описанию событий, еще не успевших стать прошлым, повествовательному типу текста соответствуют жанровым требованиям дневника как эго-документа.

В отличие от Кулаковского Алампа не ставит перед собой задачу планомерно вести дневник. В первом своем дневнике он задумывается о задачах ведения дневника (или записей) только тогда, когда больше половины тетради было уже исписано: «Что я должен написать в этой книж[ке], назначенной мной для записывания дневных впечатлений и оставленной без внимания?»¹ Его записи спонтанны и чаще всего написаны под впечатлением случившегося *здесь и сейчас* или пережитого недавно события. При этом событие часто не датируется и не описывается, автор больше сосредоточен на ментальном переживании события или явления.

Если в дневнике Кулаковского важными элементами являются датировка и связь с конкретным временем создания, «гиперактуальность», обусловленная интенцией автора запечатлеть текущий момент и свое активное участие в предложенных жизненных обстоятельствах, то

Күннээџи көрбүтү,
Көхсүгэ көөйнүбүтү
Оонньуу кэриэтэ
Ойуулуур кинигэ кынарга
Олохтоон энэһиппит³

для тетрадей Алампа характерна фрагментарность, сконцентрированность на своем внутреннем эмоциональном состоянии.

Это подтверждается и избранным стилем ведения дневников писателями. Кулаковский лаконичен, и вся лексика у него в основном со значением конкретного действия: «днем работал», «читал «Семена и всходы» – роман Дубровиной», «сажусь вечером писать беловик словаря» и т.д. Графическое оформление софроновского дневникового письма передает субъективное, экспрессивно-окрашенное восприятие события или явления, их индивидуальную интерпретацию: это постоянное использование многоточий, восклицательных и вопросительных знаков, парцелляций и вставок, инверсии и т.д. Например, запись от 21 июня 1926 г. гласит: «Ничего не хочется писать, в голову ничего не входит, что это значит? Эти дни прошли самые мучительные, самочувствие самое наихудшее. Во всем виноват я сам. Всю жизнь свою провел настолько глупо, что никто бы не допустил, в особенности в эту зиму. Куда себя готовить? к гибели что ли? это бы еще ничего, биир сымыыт ханна сыттыбатабай. Назло не погибнешь, а так будешь мучиться ходить. Как бы хорошо не жил, каких бы хороших условиях не находился, все для меня не то, очевидно меня ничто не удовлетворит. Разве могила?, Да, таким тварям, именно место – могила. Жить хочется, но как и чем существовать?.. Неужели запуститься до самого низа...»².

В композиционном строении дневников Алампа следует отметить еще одну стилевую черту – он часто предваряет свои дневники стихами-эпиграфами. Так, дневник московского периода жизни поэта 1926 г. открывается пятистишием на латинице:

То, что за день увидел,
То, что в душу запало,
Словно играя,
В этой книге описать,
В песне о жизни воспеть⁴

¹Рукописный фонд ИГИиПМНС СО РАН. Ф. 4. Оп.28. Д.17. Л. 49.

²Рукописный фонд ИГИиПМНС СО РАН. Ф.4, Оп.28, Д.45.21 июня 1926 г.Л.12.

³Там же. Л. 1.

⁴Здесь и далее построчный перевод автора статьи.

Также и дневник «Память» («Күннээби кинигэ») 1927 г. начинается с двух одноименных стихотворений «Санаа салбырҕаһа» («Отрывки мыслей»), где поэт пишет о необходимости излить на бумаге накопившиеся мысли и переживания. Стихи-эпиграфы служат ориентиром для дневникового дискурса, задают лирическое начало всей композиционной и лексической структуре личных записей Алампа.

Анализ личного дневника как текста частного, но часто предполагающего опубликование, неизменно подводит к вопросу коммуникативных возможностей эго-документа.

Сеимчанский дневник Кулаковского изначально, с первой записи, как бы ориентирован вовне. Одной из причин ведения дневника для него становится надежда, что «может быть, жена и дети поинтересуются тем, как я жил в Сеймчане» [Кулаковский, 2018: 19]. В этом желании быть прочитанным семьей просвечивает и желание быть прочитанным будущими поколениями. И если автор в дневнике обращается к незримо-му собеседнику, то он имеет в виду условного читателя – *Другого*, равноправного собеседника, которого не может найти в том обществе, в котором он оказался («окружающие не могут меня удовлетворить своими беседами» [Там же: 19]. Кулаковский нацелен на будущего идеального читателя, интеллектуально подготовленного и могущего оценить масштаб его научной и литературной деятельности. Этим объясняется подробное описание собственных ежедневных действий и повседневной жизни северных якутов, определяющих быто- и нравописательность повествовательной структуры текста дневника.

Напротив, дневники Алампа характеризуются ограниченностью в коммуникативном плане – закрытостью для внешнего адресата. Его дневники – это записи *для Себя*, обращенные во внутренний мир самого автора. Предельная искренность, интимность записей, описание чувств и переживаний не имеют посылки *Другому* и являются примером автокоммуникации «Я – Я», когда пишущий становится читателем собственных авторефлексивных пометок. И даже если в его записях есть риторическое обращение, оно

адресовано не кому-либо – чужому, а себе, как *Другому Я*), способному взглянуть на себя более трезво и объективно.

Большинство записей Алампа интимного плана авторефлексивны, представляют собой процесс психологического самоанализа. Даже в автобиографии, которая в коммуникативном плане по законам жанра должна быть направлена на внешнего адресата, писатель ориентируется только на *Себя* и пишет: «Описание моей жизни никому, кроме меня самого, не интересно, так как оно ничем не выделяется от жизни других»¹.

Обширная по объему автобиография (всего 52 стр. ученической тетради), вошедшая в первый дневник «Что-нибудь махонькое», органично вписана в дневниковую стилистику. Она представляет собой ментальное переживание событий своего детства: чувства одиночества, бесприютности, ненужности своей семье, нерализованных желаний, неудовлетворенности жизнью и собой. Автор здесь не столь точен в датах, внешних событиях (время неопределенно: например, «(У приемных родителей) воспитывался до 3л. возраста, потом, *по нашим расчетам*, родители взяли меня обратно»). Бытовые события теряют свою значимость по сравнению с внутренними переживаниями автора. Лирические фрагменты встраиваются в текст автобиографии, придавая им субъективный, эмоционально-окрашенный характер: «Человек во время своей жизни стремится вперед, не довольствуясь тем, что дарует ему природа, хотя бы она из худшего своего положения выбирается на ... хорошую почву жизни»²; «Теперь всякому, внимательно прочитавшему человеку мою автобиографию появится такой вопрос: зачем ему грустить и жаловаться на судьбу, ибо его цель исполнилась ведь, он теперь со всеми с аристократами знаком, ведь он теперь получает большое жалование, живет хорошо, неужели он забыл те трудные годы, о которых он сам пишет, ведь он теперь живет аристократической жизнью, чего ему не доставало и что ему, недоучку, нужно? К чему еще стремиться?»³. И хотя здесь есть обращение к *Другому*, но эти вопросы бо-

¹Рукописный фонд ИГиИПМНС СО РАН. Ф.4. Оп. 28. Д.17. Л. 13.

²Там же. Л. 13.

³Там же. Л. 25.

лее обращены к себе самому, не понимавшему смятение своей души.

О спонтанности записей и авторефлексивности, не имеющей цели быть прочитанным *Другим*, говорит то, что Алампа не возвращался к ним для выправки текстов в грамматическом или стилистическом плане.

Если для Кулаковского важно описать внешний мир в конкретных деталях и оценить свои действия с точки зрения их полезности, то записи Алампа представляют собой «копание в своей душе», глубокую, полную драматизма, рефлексии. В некоторых записях самобичевание, самообличение доходят до предела, что находит отражение и в его лирике.

Сеимчанский дневник Кулаковского – это способ самоидентификации, самосохранения в условиях вынужденной изоляции от большого мира, и, главное, самосовершенствования через

Мин
Сураҗа суох олорон
Соҗотоҗун суруйбуппун,
Аата суох сылдыан
Анардасты саҗарбыппын,
Этигитэ суох эрэри
Эт тылбынан эпиппин,
Ыйааҗа суох эрэри
Ырыа диэн ыпсарбыппын,
Хонугу холобурдаан баран
Хоһуутун хостоорун,
Бириэмэтин билэн баран
Бэттэҕин билгэлээрин,
Сылын сыаналаан баран
Сыһатын ырытаарын,
Күнүн ааҕан баран
Күлүү оностоорун,
Көмүс доҗотторуом!¹

Любопытна хронотопическая организация текстов дневников писателей. Если для Кулаковского время гиперактуально, поэтому он строго придерживается датировки изо дня в день, то для Алампа характерны ретардации, у него субъективно-лирический тип времени преобладает над объективным временем.

У Кулаковского все записи имеют итоговый характер: каждый день он подводит итоги дня, и главное в прошедшем дне – объем проделанной

научный, литературный труд. При этом ему важно зафиксировать текущее время и свои наблюдения над внешне-событийной жизнью.

В записных книжках и дневниках Алампа самосовершенствование идет через творчество. Дневники Алампа – релевантный ключ к его творчеству. По сути, у него дневниковыми становятся стихи, записанные в книжках. Они представляют собой исповедь души и занимают основное место в дневниках. В большинстве своем они датированы непоследовательно, но при соотнесении некоторых стихов с биографией поэта совпадают с какими-то событиями в его жизни. Но при этом сам поэт в одном из стихотворений, вошедших в записную книжку 1925 г. («Ону-маны суруйуу»), просил судить о его творчестве, учитывая время написания произведений, привязывая их и к историческим событиям и событиям в личной жизни:

(То, что) Я
в глухом одиночестве
без знатного имени написал,
в безызвестности проговорил,
без исповеди
и благословения
своим языком высказался,
без дарования свыше
как песню сложил,
с оглядкой на день создания
наизнанку выворачивайте,
разобравшись во времени,
судите-рядите,
оценив годы,
ищите ошибки,
просчитав дни,
осмеивайте,
золотые друзья мои!

за день работы. Повествование о собственной деятельности постоянно дополняется описанием повседневной жизни. У Алампа изредка появляются описания каких-то событий прошедшего дня, но опять-таки само событие не раскрывается, а описывается внутреннее состояние автора, его переживание момента.

Кулаковский последовательно излагает каждодневные занятия, и время для него имеет конкретные ориентиры: сегодня, вчера, завтра,

¹ Рукописный фонд ИГиИПМНС СО РАН. Ф.4. Оп.28.Д. 27. Л. 42.

утро, день, вечер, ночь, понедельник, воскресенье, Николин день и т.д. И он даже записывает в дневнике определенное время своей смерти: «Желудок дурит: прослужит не более трех лет» [Кулаковский, 2018: с. 51]. Это было написано в феврале 1924 г., через два с половиной года он умрет от тяжелой болезни желудка.

У Алампа время абстрактно и создает эффект «потока сознания», спонтанной речи, суггестивности. Даты пишутся фрагментарно. Записи не планомерны, а возникают по мере «накопления» переживаний. По традиции он записывает иногда какие-то бытовые детали о покупке продуктов, товаров первой необходимости, но они занимают совсем незначительное место в дневниках.

IV. Обсуждение. Сравнение дневников основателей якутской литературы закономерно приводит к мысли, что характер текстов дневниковых записей соотносим с индивидуальными поэтическими стилями авторов. Иными словами, эти дневники обладают собственными концептуальными и поэтологическими характеристиками, вписывающимися в систему их литературного творчества.

Преобладание внешнесобытийного повествования, особое внимание к деталям повседневности, наблюдения за характерами людей в их развитии в пространстве и времени, присущие дневнику Кулаковского, органично вписываются в повествовательный тип его поэтических текстов. Самокритичность, психологическая углубленность в авторефлексивных записях Алампа находят отражение в его медитативной лирике, особенно в ее элегических жанровых формах, исходящих из эмоциональных состояний автора – «мунгатыйы» (сетование на судьбу), «суланьы» (раскаяние, причитание), «ааттал» (мольба). Чувственное восприятие жизни, порой мучительное переживание своих недостатков и ошибок определяют рефлексивный характер как его дневниковых записей, так и поэзии. Вместе с тем избыточность художественных произведений (не только стихотворных, но и прозаических и драматических) в дневниковом теле говорит о большой работе поэта над разноплановыми текстами, в которых психологическая углубленность, философское отношение к жизни стали основными характеристиками индивидуально-авторского стиля.

В этом отношении нарративный характер дневников А.Е. Кулаковского находится в едином ключе с его эпической (повествовательной) поэзией, основателем которой он является. Психологическая углубленность дневников А.И. Софронова служит еще одной важной характеристикой его творчества в целом. Дневник подтверждает идею о том, что Алампа стал основателем, первым «законодателем» нравственно-психологической прозы и драмы, медитативной лирики в якутской литературе.

Таким образом, дневник становится особенно пронизывающим для художественно-стилевых доминант творчества первых якутских писателей.

Исследователь Р.С. Черепанова предполагает деление дневников на личностный и личный [Черепанова, 2018]. Сеимчанский дневник Кулаковского может быть отнесен к личностным дневникам, в котором культурная, дискурсивная и интертекстуальная погруженность, коммуникативная стратегия представляет некий общественный перформанс. Эти качества дневника обусловлены доминированием общественных интересов и гражданской позицией автора. Дневник Алампа более частного характера, но при этом ни в коей мере нельзя говорить об отсутствии общественного начала и гражданской позиции в его дневниках. Восторженное принятие новых прогрессивных веяний в обществе, полные драматизма записи о болезни и смерти Кулаковского, уход которого воспринимается писателем как большая утрата, трагедия для всего народа саха; черновики переписка с современниками и единомышленниками; увлеченная работа над первым номером журнала «Чолбон» вплоть до его полиграфического оформления; размышления автора о роли театра и литературы для культуры народа – все это говорит о его активной гражданской позиции, искренней заботе о судьбе своего народа. Но в аналитике дневника большой интерес представляют именно самооценка и самоидентификация автора, что наиболее ярко выявляется в авторефлексивных записях, поэтому, наверно, следует расценивать тетради Алампа как личные дневники, написанные для *себя*. Хотя Черепанова считает, что «тексты, написанные в чистом виде “для себя” едва ли будут полны риторических вопросов, развернутых литературных описаний, пояснений о деталях, которые неизвест-

ны посторонним, самооправданий и обращений, то есть того, что выдает интервенцию публичности в виде литературных или политических дискурсов. Зато эти тексты полны сокращений и обрывов, непонятных для постороннего читателя» [Черепанова, 2018: 49]. Неразвернутость литературных описаний, отсутствие событийных деталей, самообличение без самооправдания, обрывочность записей – все это присуще дневнику Алампа, за исключением риторических обращений и восклицаний, которые у него имеют несомненный характер обращений к себе самому.

В. Заключение. Таким образом, рассмотренные эго-документы основателей литературной традиции А.Е. Кулаковского и А.И. Софронова представляют научный интерес с точки зрения как литературоведения, так и интеллектуальной истории, выдвигающей сегодня на первый план «проблему персональной идентичности и индивидуального выбора» [Репина, 2010: 54]. В дневниках и записных книжках в разных ракурсах раскрываются характеры известных персоналий, прослеживается процесс их самоидентификации как творческих личностей. Вместе с тем в них раскрываются творческие интенции авторов, утверждаются индивидуально-стилевые черты их поэтики. Стилистика дневника А.Е. Кулаковского вплотную связана с повествовательной структурой его поэзии. А доминирование лирического начала в дневниках А.И. Софронова-Алампа вписывается в систему медитативной лирики поэта, особенно его эгического дискурса.

Таким образом, сравнительный анализ текстов Сеимчанского дневника А.Е. Кулаковского и А.И. Софронова с точки зрения повествовательной и коммуникативной структуры (композиции, хронотопа, стиливых особенностей, специфики адресации) способствует выявлению доминирующих стиливых черт поэтики их творчества в целом.

В настоящем исследовании впервые принят анализ дневников якутских писателей, являющихся по своей значимости основателями целого направления в истории культуры народа саха. Сравнительный аспект позволил выявить индивидуально-авторские стиливые особенности и комплекс устойчивых свойств их дневников в соотношении с литературным творчеством.

Целесообразность такого подхода видится в том, что дневник выступает как самоценный художественно-документальный объект культуры, включающий отношение к дневнику как к вспомогательному материалу для биографии.

Список литературы:

Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. Собр. соч.: В 7 т. М., 1996. Т. 5. С. 159–206.

Башарин Г.П. А.И. Софронов (Жизнь и творчество). Якутск, 1969. 64 с.

Бондарь И.А. Эго-текст и эго-документ в литературном процессе // Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела. 2013. №6. С. 107–115.

Булдакова Ю.В. Лирическое начало в жанровой структуре дневника писателя (на материале литературы русского зарубежья) // Вестник Вятского ПГУ. 2009. № 3 (1). С. 102–105.

Зализняк А.А. Дневник: к определению жанра // Новое литературное обозрение. 2010. № 106. С. 162–181.

Криволапова Е.М. Роль авторской интенции в создании дневникового текста // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2016. № 4 (23). С. 66–73.

Кулаковская Л.Р. Научная биография А.Е. Кулаковского: личность поэта и его время. Новосибирск: Наука, 2008. 296 с.

Кулаковский А.Е. «Сеимчанский дневник» А.Е. Кулаковского. 1923-1924 гг. Эксклюзивное издание. Якутск: Бичик, 2018. 64 с.

Лашкевич А.В. Личный дневник и жанры «дискурса персональности» в контексте межкультурной коммуникации: монография. Ижевск: издательство «Удмуртский университет», 2014. 173 с.

Лотман Ю. М. Избранные статьи: В 3 т. Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн: Александра, 1992. 479 с.

Михеев М.Ю. Дневник как эго-текст (Россия, XIX - XX). М.: Водолей Publishers, 2007. 262 с.

Репина Л.П. История через личность: Историческая биография сегодня [Под ред. Л. П. Репиной]. 2-е изд. М.: Квадрига, 2010. 720 с.

Романова Л.Н. «Сеимчанский дневник» в интеллектуальной биографии А.Е. Кулаковского: коммуникативные стратегии автора // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. № 1. С. 225-229.

Семенова В.Г. Личность и творчество Анемподиста Софронова-Алампы в контексте зарождения становления якутской литературы: дис. ... д-р. ист. наук. Якутск, 2019. 566 с.

Семенова В.Г., Тобуроков Н.Н. Дневник как отражение личности писателя (на материале дневни-

ков А. Софронова и С. Данилова) // Международный научно-исследовательский журнал. Екатеринбург, 2018. № 1 (67). Часть 4. С. 133–136.

Толстой Л.Н. Собр. соч. в 22 тт. Т. 21. М., 1984. С. 22

Черепанова Р.С. Личный дневник: уровни приватного и дискурсы публичного (на примере нескольких дневников советской эпохи) // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2018. Т. 18. № 2. С. 49–54.

Семенова В.Г. Алампа. личность норуот история-тыгар суолтата (Алампа: роль личности в истории народа). Дьокуускай: «Ситим-медиа» ХЭТ, 2011. 448 с.

Сэмэн Данилов дневнигэ (Дневник Семена Данилова). Бэрдьигэстээх, 2018. 304 с.

Софронов А.И. Айымньылар: 4 томнаах. Т. 4. Тылбаастар. Айымньылар. Ыстатыйалар. Докумуоннар (Переводы. Произведения. Статьи. Документы). Дьокуускай: Бичик, 2011. 480 с.

Тобуроков Н.Н. Өксөкүлээх Өлөксөй олобун уонна айар үлэтин үрдүк үөрэх кыһатыгар үөрэтии (Изучение жизни и творчества Ексекулях Алексея в высшем учебном заведении). Якутск: Кудук, 2001. 110 с.

References

Bahtin M.M. *Problema rechevyh zhanrov* [The problem of speech genres]. Bahtin M. Collected works in 7 numbers. Moscow: Russian dictionaries Publ., 1996. Volume 5. Pp. 159-206. (In Russian)

Basharin G.P. *A.I. Sofronov (Zhizn' i tvorchestvo)* [A. Sofronov (Life and Work)]. Yakutsk: Yakutsk book Publ., 1969. 64 p. (In Russian)

Bondar' I.A. Jego-tekst i jego-dokument v literaturnom processe [Ego-text and ego-document in the literary process]. *Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Problemy poligrafii i izdatel'skogo dela* [Journal of Higher Education Institutions. Problems of printing and publishing]. 2013. №6. Pp. 107-115. (In Russian)

Buldakova Ju.V. Liricheskoe nachalo v zhanrovoj strukture dnevnika pisatelja (na materiale literatury russkogo zarubezh'ja) [Lyrical beginning in the genre structure of the writer's diary (on the material of literature of the Russian diaspora)]. *Vestnik Vjatskogo PGU* [Journal of Vyatka State Pedagogical University]. 2009. № 3 (1). Pp. 102–105. (In Russian)

Cherepanova R. S. Lichnyj dnevnik: urovni privatnogo i diskursy publichnogo (na primere neskol'kih dnevnikov sovetskoj jepohi) [Personal diary: levels of private and discourses of the public (on the example of several diaries of the Soviet era)]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Journal of the South Ural State University]. Series: social sciences and humanities. 2018. T. 18. № 2. Pp. 49-54 (In Russian)

Krivolapova E.M. Rol' avtorskoj intencii v sozdanii dnevnikovogo teksta [The role of the author's intentionality in the creation of a diary text]. *Teorija jazyka i mezhkul'turnaja kommunikacija* [Theory of language and intercultural communication]. 2016. № 4 (23). Pp. 66-73. (In Russian)

Kulakovskaja L. R. *Nauchnaja biografija A. E. Kulakovskogo: lichnost' pojeta i ego vremena* [Scientific biography of A. E. Kulakovsky: the personality of the poet and his time]. Novosibirsk: Science Publ., 2008. 296 p. (In Russian)

Kulakovskij A.E. "Seimchanskij dnevnik" A.E. Kulakovskogo. 1923-1924 gg. ["Seimchan diary" by A.E. Kulakovsky. 1923-1924]. Exclusive edition. Yakutsk: Bichik Publ., 2018. 64 p. (In Russian)

Lashkevich A.V. *Lichnyj dnevnik i zhanry "diskursa personal'nosti" v kontekste mezhkul'turnoj kommunikacii: monografija* [Personal diary and genres of "discourse of personality" in the context of intercultural communication]. Izhevsk: «Udmurtskij universitet» Publ., 2014. 173 p. (In Russian)

Lotman Ju.M. *Izbrannye stat'i: v 3 tomah. Tom 1: Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury* [Selected articles: in 3 vols. Volume 1: Articles on semiotics and typology of culture]. Tallinn: Aleksandra Publ., 1992. 479 p. (In Russian)

Miheev M.Ju. *Dnevnik kak jego-tekst (Rossija, XIX - XX)* [Diary as an ego-text (Russia, XIX - XX)]. Moscow: Vodolej Publ., 2007. 262 p. (In Russian)

Repina L.P. *Istorija cherez lichnost': Istoricheskaja biografija segodnja* [History through Personality: Historical Biography Today]. Edited by L.P. Repinoj. Edition 2. Moscow: Kvadriga Publ., 2010. 720 p. (In Russian)

Romanova L.N. "Seimchanskij dnevnik" v intellektual'noj biografii A.E. Kulakovskogo: kommunikativnye strategii avtora ["Seimchan diary" in the intellectual biography of A.E. Kulakovsky: communicative strategies of the author]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Questions of theory and practice]. 2019. Volume 12. № 1. Pp. 225-229. (In Russian)

Semen Danilov dnevnige [Semen Danilov's diary]. Berd'igesteekh, 2018. 304 p.

Семенова В.Г. *Алампа. Личность норуот история-тыгар суолтата* [Алампа. The role of personality in the history of the people]. Д'окуускай: "Ситим-медиа" Publ., 2011. 448 p. (In Yakut)

Семенова В.Г. *Личность' i tvorchestvo Anempodista Sofronova-Alampy v kontekste zarozhdenija stanovlenija jakutskoj literatury* [Personality and creativity of Anempodist Sofronov-Alampa in the context of the origin of the formation of Yakut literature]. Dissertation of the candidate of historical sciences. Yakutsk, 2019. 566 p. (In Russian)

Semenova V.G., Toburokov N.N. Dnevnik kak otrazhenie lichnosti pisatelja (na materiale dnevnikov A. Sofronova i S. Danilova) [Diary as a reflection of the writer's personality (on the material of the diaries of A. Sofronov and S. Danilov)]. *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal* [International research journal]. Ekaterinburg, 2018. № 1(67). Part 4. Pp. 133-136. (In Russian)

Sofronov A.I. Aaymn'ylar: 4 tomnaakh. Tom 4. Ty-lbaastar. Aaymn'ylar. Ystatyyalar. Dokumuonnar [Works: in 4 volumes. Volume 4. Translations. Works. Articles. The documents]. D'okuskay: Bichik Publ., 2011. 480 p. (In Yakut)

Toburokov N.N. Өksökyleekh Өлөксөй олоҕун уонна аһар үлөтүн үрдүк үөрөхх кыһатыгар үөрөтүү [Studying the life and work of Eksekulyah Alexey in a higher educational institution]. Yakutsk: Kuduk Publ., 2001. 110 p. (In Yakut)

Tolstoj L.N. Sobr. soch. v 22 tt [Collected works in 22 vols.]. T. 21. M.: Hudozhestvennaja literatura, 1984. Pp. 22. (In Russian)

Zaloznjak A.A. Dnevnik: k opredeleniju zhanra [Diary: to define the genre]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New literary review]. 2010. № 106. Pp. 162-181. (In Russian)

L.N. Romanova

Diaries of A.E. Kulakovsky and A.I. Sofronov: Experience of Comparative Analysis

Scientific novelty. The article presents a comparison of the personal diaries of A.E. Kulakovsky and A.I. Sofronov-Alampa from the point of view of their narrative and communicative structure. Common structural and semantic elements are revealed. For the first time, diaries are considered from the point of view of their correlation by the work of the first Yakut writers. It is proved that the features of the narrative style of the diaries organically fit into the poetic system of their work.

The aim of the article is to compare the author's intentions that determine the narrative and communicative functions of the text of the diaries of the first Yakut writers their compositional and stylistic features as well as identifying the specifics of the creative method of keeping personal records.

Research methods. The study was conducted on the material of the A.E. Kulakovsky's diaries stored in the National Archives of the RS (Yakutia) and diaries and notebooks of A.I. Sofronov available in the Manuscript Fund of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the RAS. Comparative-typological *methods* are used in the analysis of the composition, language and chronotope of diaries. As necessary, the author turned to the methodology of an interdisciplinary approach to the texts of culture.

Results. A comparative analysis of the narrative and communicative strategies of the diaries of the first Yakut writers showed their close connection with literary creativity. Analysis of composition, language, as well as communicative functions of auto-documentary texts indicates that diaries should be considered as a single text of culture on a par with the work of writers.

Keywords. diary, storytelling, communicative strategies, lyrical beginning, autoreflexion